

КАТЕГОРИЯ ДУШИ: ОТ АНТИЧНОЙ МИФОЛОГИИ ДО КОГНИТИВНЫХ НАУК И НЕЙРОБИОЛОГИИ

В. В. Фурсов

*Российский национальный исследовательский
медицинский университет имени Н. И. Пирогова*

Поступила в редакцию 23 октября 2020 г.

Аннотация: понятие «душа» уходит своими корнями в античную философию и мифологию. И, несмотря на то что оно в современном научном поле представляет своего рода атавизм, является эпифеноменальным, тем не менее, составляет основу многих производных понятий, таких как «психика» и входит составной частью в названия наук, как то «психология», «психиатрия» и т. п. В современной науке отношение к пониманию души неоднозначное. Если философия как наука еще имеет категорию души в качестве предмета своего рассмотрения, то психология понятия души в своем предметном поле не имеет. Такая же ситуация существует в современной психиатрии и нейронауках. Одной из тенденций пост-неклассической науки и неоклассической философии является возврат к античности в связи с переосмыслением наших взглядов на мир. Активно развивающиеся когнитивные и нейронауки привели к новому всплеску исследований мозга и разума. Сегодня наблюдается постепенный переход от психики в ее классическом постдекартовском понимании (или непонимании) к новым заданным дескрипторам, определяемым на основе данных, полученных областями поведенческой, когнитивной и интегративной нейробиологии, осмысленных с учетом донаучного наследия античности.

Ключевые слова: душа, история, античность; философия; нейронауки, нейропсихология; когнитивная нейробиология.

Abstract: the concept of «soul» has its roots in ancient philosophy and mythology. And despite the fact that it is a kind of atavism in the modern scientific field, it is epiphenomenal, nevertheless, it forms the basis of many derived concepts, such as «psyche» and is an integral part of the names of Sciences, such as «psychology», «psychiatry», etc. in modern science, the attitude to the concept of the soul is ambiguous. If philosophy as a science still has the soul as its subject, psychology has no concept of the soul in its subject field. The same situation exists in modern psychiatry and neuroscience. One of the trends of post-non-classical science and neoclassical philosophy is a return to antiquity in connection with a rethinking of our views on the world. Rapidly developing cognitive and neuroscience have led to a new surge in brain and mind research. Today, there is a gradual transition from the psyche in its classical post-Descartes understanding (or lack of understanding) to new set descriptors, defined as based on data obtained by the fields of behavioral, cognitive, and integrative neuroscience, meaningful taking into account the pre-scientific heritage of antiquity.

Key words: soul, history, ancient; philosophy; neuroscience, neuropsychology; cognitive neuroscience.

Большинство древних философских теорий сосредоточены вокруг души или психики. Этимологически слово *psyche* происходит от глагола ψύχω – «охлаждать, дуть» – как показатель самой жизни. Рассматривая обсуждаемую область с высоты птичьего полета и оставляя в стороне второстепенные детали, мы прослеживаем развитие движения науки к всеобъемлющей концепции души, рассматривая дух, который оживляет мир и распространяется на сушу, море и пространство, через моральные и ментальные диспозиции, как орган высшего разума. Душа всегда рассматривалась как бестелесное «дыхание» жизни, которое одушевляет (от лат. *anima*, ср. «животное») живой организм. По мнению древних мыслителей, душа не только отвечала за умственные или психологические функции, такие как мышление, восприятие, эмоции, чувства и нравственность, но также была вовлечена в любые жизненные функции, характерные для любого живого организма [1].

В гомеровском эпосе то, как душа воспринимается в связи с жизнью, относится прежде всего к человеческим существам. Душа – это дух, который находится внутри человеческого тела и покидает его после смерти, выходя через рот. После смерти душа переносится в Аид, в подземный мир, где она остается безжизненной и невещественной, неосязаемой, тем не менее, сохраняя форму физического тела, к которому принадлежала во время земной жизни, и становясь как бы его отражением [2].

Философские построения орфиков и пифагорейцев отличаются от гомеровского представления о душе, зафиксированного Платоном [3]. Однако такие позднейшие теории принципиально не повлияли на обыденное восприятие и предрассудки о душе. Родственными традициями являются традиции Харона и бога Гермеса (или Меркурия) – прозванного *психопомпом* или тем, кто переносит души в подземный мир, где душа представлена в виде птицы или насекомого. Привлекательность этих традиций становится очевидной в произведениях Платона о душе и Эросе, а также поэтов поздней античности, таких как «Метаморфозы» Овидия и изящная басня Апулея, Эрос и Психея [4].

Сам миф о Психее, по мнению одного из ведущих зарубежных исследователей мифологии и религии Джозефа Кэмпбелла (1904–1987), представляет собой человеческий поиск того, что истинно, значимо и важно. Он утверждает, что то, что мы ищем, – это «переживание бытия живым, чтобы наш жизненный опыт резонировал внутри нашего внутреннего существа и реальности, чтобы мы действительно чувствовали восторг живого бытия». Согласно сторонникам этого подхода, политеистические мифы могут дать прозрения и в области психологической науки [5].

«Эрос и Психея», история, восходящая к Овидиевским метаморфозам, приписывается Луцию Апулею Мадаурентису или Платонику (II в. н. э.). Психея, непревзойденная красавица, была младшей дочерью Царя. Ее поклонники пренебрегали Венерой (Афродитой) и вместо этого поклонялись Психее. Как-то Афродита прониклась завистью к красоте смертной девушки по имени Психея. Богиня, охваченная ревностью, повелела

сыну пронзить сердце девушки золотой стрелой, чтобы та влюбилась в самого отвратительного мужчину на свете.

Эрос согласился исполнить желание матери, но, увидев Психею, сам влюбился в нее. Прекрасная Психея стала женой невидимого и таинственного Эроса, который ежедневно прилетал к ней, правда, только по ночам и в темноте, при этом предупредив свою возлюбленную о том, что она не должна вносить огонь в спальню и видеть его без покрывала ночи. Психея полюбила Эроса, несмотря на то что даже не видела его. Однако ревнивые сестры всячески пытались убедить девушку, что она вышла замуж за ужасное чудовище, которое собирается причинить ей вред. Так потихоньку они привели ее к мысли об убийстве своего мужа. В одну роковую ночь любопытство и страх взяли верх, и Психея решила спрятать у себя в спальне масляную лампу вместе с ножом.

Когда Эрос заснул, она зажгла огонь в светильнике, готовясь увидеть монстра, но вместо этого увидела необыкновенно красивого юношу, спящего на ее кровати. При виде его красоты Психею охватила трепетная дрожь – так, что несколько капель раскаленного масла со светильника попали на его кожу. Эрос проснулся от боли и заметил нож в руках любимой. Увидев такое предательство, он сразу улетел... Психея же в отчаянии отправилась искать своего возлюбленного по всему свету. Мифологические приключения Эроса и Психеи были увековечены драматургами и композиторами [6].

Психея, смертная женщина, была освобождена от смерти Зевсом, отцом богов, который сожалел над ней и даровал ей бессмертие. Мифологическая образность Психеи в древнем искусстве представлена крыльями бабочек, обильно изображенными и в античной керамике. Освобожденное от смерти тело души могло свободно летать, парить, освобождаясь от оков куколки. В саркофаге, найденном в Патрах, изображены двое детей, держащих куколку, возможно, чтобы изобразить погребальный характер сцены [2]. Бабочка в греческом эпосе часто олицетворяется с Психеей и считается душой умершего. Древние греки начальную стадию метаморфоза бабочки называли *scolex* («червь»), а куколку, которая является следующей стадией метаморфоза из гусеницы, – *nekydallon*, что означает «раковина мертвеца» [7].

Метаморфоза бабочки вдохновила многих использовать бабочек как символ выхода души из тела [8]. Таким образом, миф о Психее одновременно обозначает душу и бабочку. Это понятие стало означать историю души, соединенной с божественным Эросом, но которая, тем не менее, должна претерпеть страдания, прежде чем достичь бессмертия. В то время как бабочка символизирует благоговение, мотылек стал невольным символом того, что уродливо и негативно.

Другие символы, идентифицируемые с мотыльками, такие как безумие, например, также ответственны за низкую самооценку мотылька. Однако мотылек, привлеченный пламенем, точно так же, как душа небесной истиной, сжигает себя в нем, отражая испытания, которые должны

быть перенесены душой, чтобы уничтожить плоть, прежде чем познать радости запредельного. Йорис Хефнагель (1542–1601), фламандский художник-минитюарист, известный своими иллюстрациями предметов естественной истории, иллюстрировал бабочек как человеческие души, а Сальвадор Дали использовал символ смерти в виде бабочки «Мертвая голова» рода Ахеронтия, у которой четко изображен контур черепа на спине [7].

Отец современной нейробиологии Сантьяго Рамон-и-Кахаль охотился за нейронами в «саду серого вещества» и, будучи опытным художником, тщательно каталогизировал множество «тонких и сложных форм», которые они принимают. Одной из любимых тем Кахала было изучение коры головного мозга человека; он образно называл наиболее распространенные нейроны в этой области мозга – пирамидальные клетки или его «психические клетки» – «бабочками души» (*las mariposas del alma*) [9]. Он наблюдал крепкие дендритные деревья и разветвленные аксоны и признавал их незаменимыми компонентами нейрона – фундаментальной морфофункциональной единицы нервной системы.

Он так писал об этом: «В то время я испытывал самое живое, даже романтическое любопытство к загадочному устройству органа души. Люди, сказал я себе, властвуют над Природой благодаря архитектурному совершенству своего мозга... Познать мозг, говорил я себе в своем идеалистическом энтузиазме, равносильно открытию материального хода мысли и воли... Подобно энтомологу, охотящемуся за ярко раскрашенными бабочками, мое внимание привлек цветник серого вещества, в котором содержались клетки с изящными и изящнейшими формами, таинственные бабочки души, биение крыльев которых может когда-нибудь (кто знает?) прояснить тайну душевной жизни... Даже с эстетической точки зрения нервная ткань содержит в себе самое привлекательное очарование. Существуют ли в наших парках деревья более изящные и роскошные, чем клетки Пуркинье мозжечка или психические клетки коры головного мозга, то есть знаменитая мозговая пирамида?» [10].

Попытки локализовать мыслительные процессы в мозге восходят к античной философии, начиная с Алкмеона. Марта Нуссбаум, современная американская философ-классик, напомнила нам, что философия была создана не как бесплодное, абстрактное, интеллектуальное упражнение, а как активная, энергичная попытка справиться с жизнью: эллинистические философские школы Греции и Рима – эпикурейцы, скептики и стоики – все понимали философию как способ решения самых болезненных и ответственных проблем человеческой жизни [11]. Они видели в философе сострадательного врача, кто мог исцелить человека, погруженного в борьбу с душевными недугами.

Уже со стадии определения ощущений и чувств душа проникает в философскую психологию. Платон – первый античный мыслитель, который придал этой проблеме ясный смысл. Он определяет ощущение вообще как общение души и тела по отношению к внешним предметам. Эта способность принадлежит душе, а инструмент – тело. В общем, они

вместе становятся, посредством воображения, способными ощущать внешние объекты. Платон считал психику сущностью человека и классифицировал значение души на три категории (области): Логос (расположенный в голове), Тимос (расположенный в грудной клетке) и Эрос (расположенный в животе) [12], сравнивая их с социальной кастовой системой. Платоновская тройственная душа по существу подобна классовой или сословной структуре государства, где, чтобы хорошо функционировать, каждый компонент должен вносить свой вклад, чтобы весь организм функционировал правильно.

Древние греки утверждали, что *пневма* (воздух) является жизненной основой живых существ. В *rete mirabile* (сети кровеносных сосудов, присутствующих в мозге некоторых животных, но отсутствующих у людей) это превращалось в животный дух, который затем очищался в желудочках головного мозга, прежде чем циркулировать в качестве основы нервной деятельности. Эмпедокл и, по-видимому, Пифагор считали, что у растений есть душа и что человеческие души могут оживлять растения. Древнегреческий врач Герофил вскрыл человеческий мозг и предположил, что душа должна находиться в желудочках мозга. Гален соглашался с догматами Гипократа и Герофила, но не соглашался с Аристотелем; последний помещал чувство в сердце. Гален отдавал предпочтение паренхиме мозга, а не желудочкам, как месту расположения души [13].

В Метафизике Аристотель сообщает нам, что натурфилософы были группой новаторских мыслителей, главным образом, заинтересованных в объяснении строения всей материи в терминах конкретных основных субстанций. Эти ученые сделали первую попытку интерпретировать природные явления, отвергая сверхъестественные причины или мифические объяснения и вводя новый критический дух рационального дискурса. Они исследовали различные аспекты физического и биологического мира, а также пытались решить проблему природы души. Кроме того, они углубились в вопрос о соотношении между умственной деятельностью и телом [14].

Согласно Аристотелю, душа не была особой субстанцией, таким образом, она не могла быть отделена от тела. Следовательно, тело не могло развиваться без души. Если взять аристотелевскую аффективную и интеллектуальную душу как парадигму психологических процессов, то поведение состоит из актуализации функций организма. Индивидуальное поведение возникло бы как движение (изменения и смещения, потому что рост – это биологическое движение), происходящее по отношению к другим сущностям (таким как понятия, организмы или физические тела). Однако поведение не было бы идентичным таким движениям и изменениям: поведение было бы выполнением множества возможных функций, заданных в конкретной ситуации [3].

В современной науке отношение к понятию души неоднозначное. И, если философия как наука еще имеет душу в качестве предмета своего рассмотрения, то психология понятия души в своем предметном поле не имеет. Такая же ситуация существует в современной психиатрии и

нейронауках. Однако нейронауки более дружелюбно относятся к этому понятию, поскольку сформировались в постнеклассический период и основаны на более современном парадигмальном поле.

Отношение к понятию «душа» в отечественной науке еще сложнее. Здесь мы до сих пор несем в себе стереотипы советского периода, когда любая научная парадигма должна была укладываться в прокрустово ложе марксистско-ленинской философии. Отечественное научное сообщество, часто не отдавая себе в этом отчета, на подсознательном уровне несет в себе соответствующие идеологические установки. Исторически сложилось так, что дискурс относительно души сегодня смещен в область религиозного сознания и теологической науки. Классическая наука взамен понятия «душа» оперирует суррогатным понятием «психика». Такая подмена понятий науке не дает никакой существенной выгоды, кроме отрыва от ее исторических корней. С нашей точки зрения, понятие «психика» не несет никакой этимологической нагрузки и ничего нового не объясняет. И, если мы и придаем такому термину научную реальность, то не более чем как одному из проявлений того, что называется «душа».

Вопрос о кризисе гуманитарных наук, их неспособности корректно описывать феномены религии, культуры, души, сознания обсуждался в XX в. неоднократно. Всякий раз этот кризис был связан с тем, что классический научный подход «срезал» специфику гуманитарных явлений, уподобляя их явлениям природы, а предполагаемые новые подходы, стремящиеся сохранить эту специфику, оказывались недостаточно научными в смысле их соответствия критериям классической науки: объективности, рациональности, повторяемости, предсказуемости и т. п.

Ситуация радикального разрыва между двумя мирами создана тем, что можно назвать «картезиатским бумерангом» (от лат. имени Декарта – *Cartesius*). Она прослеживается с XVII в., когда Декарт узаконил разрыв между «вещью протяженной» – миром природы и «вещью мыслящей» – миром разума и установил, что языки описания этих вещей, или субстанций, не пересекаются. Именно Декарт сконструировал классические понятия субъекта и метода научного познания и наложил запрет на все естественные связи между субъектом и объектом и языками их описания. По Декарту, эти языки принципиально взаимно не переводимы и не допускают взаимодозначного соответствия. Как следствие, в рамках классической науки научное знание о мире природы возможно ценой научного незнания о мире психической жизни. Разделение протяженного и мыслящего приводит к тому, что целостный феномен человеческой жизни теперь описываются как два ряда параллельных явлений без возможности и формального права говорить об их связи: с одной стороны, физико-химические процессы на языке классической науки, с другой – процессы внутренних переживаний на языке символов и метафор. Разумеется, глубинный основой этой ситуации является более давний, идущий от христианства дуализм тела (плоти) и сознания (духа), который, в свою очередь, имеет еще более глубокие корни [4].

Область нейробиологии сегодня процветает и развивается как ведущая научная дисциплина, которая стремится строго понять отношения между разумом и мозгом. В Интегративной нейробиологии каждый уровень нейронной организации органично рассматривается как часть континуума уровней [15]. Фундаментальным препятствием для интегративной нейробиологии является то, что ученые, строящие модели на одном конкретном измерении, часто видят в этом конкретном измерении эпицентр всех функций мозга. Такой подход называют «нейронным эпицентризмом» [16].

Однако эта позиция сегодня начала меняться довольно отчетливо. Интегративная нейробиология отражает то, как многие процессы мозга взаимосвязаны внутри и между собой, а также между различными дисциплинами. Поскольку наше описание центральной нервной системы до сих пор неполно, такая интегративная перспектива начинает выводить нас из джунглей излишней детализации, проливая свет на работу нервной системы в целом [15].

Междисциплинарные нейробиологические исследования объединяют множество подходов, включая когнитивные, поведенческие, генетические и компьютерное моделирование нейропсихических процессов. Исследования, использующие каузальные экспериментальные конструкции для изучения функций нейронных цепей (которые подчиняют себе основные аспекты поведенческой области), становятся единичными. Психические расстройства определяются временем их развития в детском или раннем взрослом возрасте, что подчеркивает концепцию дифференциальной уязвимости нервной системы. Понимание этиологии психических состояний с помощью фундаментальной науки может привести к улучшению методов лечения нейропсихических заболеваний.

Таким образом, сочетание, например, онтогенетических и нейроанатомических паттернов экспрессии генов с данными, полученными с помощью методов визуализации, превращает интегративную неврологию в крупномасштабную науку, которая в конечном итоге потребует взаимодействия широкой нейробиологической базы (инициатива дорожной карты НИИ «реинжиниринг клинического исследовательского предприятия») [17]. Первоочередной задачей здесь является интеграция клеточной нейрофизиологии в макроскопическую визуализацию мозга; такие вопросы, как согласованность паттернов активации в разных лабораториях, пока остаются нерешенными [16].

Наше ограниченное понимание мозга может быть связано не столько с тем, что именно измеряется, сколько с уровнем сложности, с которым проводится анализ. Междисциплинарные усилия дают импульс к разрушению частнонаучных границ и стимулируют более свободный обмен информацией между дисциплинами. В этом отношении изучение психики как поведенческой абстракции может означать реконструкцию интегративной системы подходов, выходящей за пределы тенденции к «нейронному эпицентризму» [16]. И, как сказал однажды один из ведущих нейрохирургов Уайлдер Пенфил: «Те, кто надеются решить пробле-

му нейрофизиологии ума, подобны людям у подножия горы. Они стоят на вырубках, которые сделали у подножия холмов, и смотрят на гору, на которую собираются взобраться. Но вершина скрыта в вечных облаках, и многие думают, что ее никогда не удастся покорить. Конечно, если наступит день, когда человек достигнет полного понимания своего собственного мозга и ума, это может быть его величайшим завоеванием, его последним достижением» [18]. И здесь, как говорится, новое – это хорошо забытое старое. Античное знание по-прежнему имеет высокий потенциал и ценность для современной науки.

Литература

1. *Мареева Е. В.* Душа как объект философской рефлексии (историко-философский анализ) : дис. ... д-ра филос. наук / Е. В. Мареева ; Моск. гос. ун-т культуры и искусств. – М., 2003.

2. *Скобелева В. А.* Эволюция представлений о душе в культуре Древней Греции : дис. ... канд. культурологии / В. А. Скобелева ; Нижневартковский гос. гуманитар. ун-т. – Нижневартковск, 2009.

3. *Ribes-Iñesta E.* Behavior and abstraction, not ostension : conceptual and historical remarks on the nature of psychology / E. Ribes-Iñesta // Behavior and Philosophy. – 2004. – № 32 (1). – P. 55–68.

4. *Майков В. В.* Картезианский бумеранг или ахиллесова пята современной науки / В. В. Майков // Свободное дыхание. – М., 1994. – С. 17–29.

5. *Campbell J.* The power of myth / J. Campbell. – N. Y. : Doubleday, 1988. – P. 5.

6. Editorial. Beyschlag's 'Psyche' // Art J. – 1875. – 1. – P. 306–307.

7. *Gagliardi R. A.* Butterfly and moth symbolism list 3. Insects.org. 2016 / R. A. Gagliardi. – URL: http://www.insects.org/ced4/symbol_list3.html

8. *DeFelipe J.* Cajal's butterflies of the soul : science and art / J. DeFelipe. – N. Y. : Oxford University Press, 2010.

9. *DeFelipe J.* Cajal y sus dibujos : ciencia y arte / J. DeFelipe // Arte Neurol. – 2005. – № 18. – P. 213–230.

10. *Ramón y Cajal S.* Recollections of my life / S. Ramón y Cajal. – Birmingham, AL : Gryphon, 1988.

11. *Miller R. B.* Facing human suffering : psychology and psychotherapy as moral engagement / R. B. Miller. – Washington, DC : American Psychological Association, 2004.

12. *Soury J.* Le système nerveux central; structure et fonctions; histoire critique des théories et des doctrines / J. Soury. – Paris : G. Carré & Naud, 1899. – P. 8–9.

13. *Gordon E.* Integrative neuroscience and personalized medicine / E. Gordon. – Oxford : Oxford University Press, 2011.

14. *Crivellato E.* Soul, mind, brain : Greek philosophy and the birth of neuroscience / E. Crivellato, D. Ribatti // Brain Res Bull. – 2007. – № 71 (4). – P. 327–336.

15. *Grillner S.* Integrative neuroscience : linking levels of analyses / S. Grillner, A. Kozlov, J. H. Kotaleski // Curr Opin Neurobiol. – 2005. – № 15. – P. 614–621.

16. *Gordon E.* Integrative neuroscience / E. Gordon // Neuropsychopharmacology. – 2003. – № 28 (Suppl S1). – S2–S8.

17. Limits to growth : why neuroscience needs large-scale science / T. R. Insel, N. D. Volow, S. C. Landis, T.-K. Li, J. F. Battery, P. Sieving // Nature Neurosci. – 2004. – № 7 (5). – P. 426–427.

18. *Fromm E.* The anatomy of human destructiveness / E. Fromm. – N. Y. : Holt, Rinehart and Winston, 1973. – P. 91.

Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова

Фурсов В. В., кандидат философских наук, магистр права, доцент кафедры общей психологии и педагогики, лауреат конкурса «Грант Москвы в сфере образования в 2007 году»

E-mail: vfursov@mail.ru

Russian National Research Medical University named after N. I. Pirogov

Fursov V. V., PhD in Philosophy, Master of Laws, Associate Professor of the Department of General Psychology and Pedagogy, Laureate of the competition «Moscow Grant in Education in 2007»

E-mail: vfursov@mail.ru